

УДК 81-112.2+81'367.7

**ПОЛИСТРУКТУРНЫЕ СРЕДСТВА ОРГАНИЗАЦИИ
ТЕКСТА В «СЛОВЕ О ЧЕЛЯДИ»***Д.Р. Коносов***Аннотация**

В статье показан изоморфизм языковых подсистем древнерусского языка при организации риторического текста. Структура текста определяется как зависимая от жанра, описываются основные средства когезии древнерусской учительной прозы на примере отдельного текста. Сформулирован принцип создания когезии на основе варьирования деривационных единиц.

Ключевые слова: текстовый блок, текстовая формула, структура текста, когезия, внутритекстовая динамика языковых единиц.

Древнерусский текст состоит из своего рода «блоков», с точки зрения структуры и когезии соотносимых с составом микротема и композиции современного текста. О блочном строении древнерусского текста писали Д.С. Лихачёв, Л.П. Клименко и другие исследователи (см., например, [1, 2]), поэтому в нашей работе мы используем термин «блок текста» как уже вполне «освящённый» традицией употребления. В нашем понимании это единица текстового пространства, строящаяся вокруг определённой доминанты, которая соотносима с современным представлением о «ключевом слове» и о такой структурной части современного текста, как «микротема».

Это соотношение между древним и современным материалом, впрочем, обнаруживает ряд несоответствий, объяснимых представлением о древнерусском тексте как неделимой синкретичной целостности формы и содержания. Если в современном тексте отдельные микротемы получают структурно ясные границы – абзацное членение, линейную последовательность развития мысли, собственные средства когезии, наконец, – то в структуре древнерусской учительной прозы церковно-книжных жанров эти границы определяются в большинстве случаев интуитивно: «по движению смыслов».

Упомянутое «движение» выражается в нелинейном развитии мысли, изобилии и многообразии риторических выразительных приёмов и жёстко «связанной смыслом» грамматике. Наблюдения, проводимые нами над текстами сборника «Златая цепь» (конец XIV в.), позволили сделать вывод об избыточной (на современный взгляд) связанности отдельных блоков древнерусского текста. Если воспользоваться архитектурной аналогией, можно утверждать, что по связи и отношению между отдельными блоками древнерусский учительный текст представляет собой конструкцию с полигональной кладкой образующих

её элементов, в то время как современный текст – это строение с кирпичной или бутовой сплошной кладкой. В основе первой – тщательная подгонка неодинаковых монолитных элементов, в основе второй – различные способы скрепления однородного и стереотипного по форме (кирпич и т. д.) материала.

Очевидно, что при первом способе создания текста отдельные его блоки окажутся связанными посредством единиц когезии, свободно «переходящих» из блока в блок. Одновременно те же языковые единицы будут выполнять организующую функцию внутри каждого текстового блока. Описанию названных средств языка в их текстообразующей функции посвящена и данная работа, продолжающая собой серию исследований по структуре древнерусского учительного текста риторической природы. В качестве материала исследования взят текст «Слова о челяди», находящегося в составе сборника «Златая цепь» Троице-Сергиевой лавры (л. 5а – 5б) по академическому изданию (СЧ).

В качестве обозначений отдельных текстовых блоков произведения будут использоваться такие термины, как «зачин» (вступительная часть текста слова-поучения), «финаль» (его заключительная часть), «фрагмент» или «блок текста» (для обозначения составляющих основной части текста). При этом представления о фрагменте будут соотноситься с «топосами», используемыми в тексте слова-поучения. Такое соотношение кажется нам оправданным, поскольку речь идёт о произведении риторического жанра, хотя, разумеется, не каждый фрагмент представляет собой опознаваемый с современной точки зрения топос. При описании троичных когезийных единств используются выражения «триада» и «элемент триады». Под таким элементом мы понимаем единицу любого языкового уровня, вступающую в связь с двумя другими аналогичными единицами на синтагматическом уровне (например, падежную форму или финитную форму глагола, повтор корневой или служебной морфемы, омонимическую единицу морфемного или лексического уровня).

Основным принципом создания когезии текста в произведениях риторической древнерусской прозы является принцип выстраивания троичных последовательностей – триад языковых средств. В их формировании задействуются единицы всех языковых уровней – грамматики, лексической семантики, звукописи. При этом, как мы уже писали [3], основная схема создания триады – это формула $(3 = 2 + 1)$. Заявленное выше «полигональное» строение текста обеспечивается именно относительной «свободой» этого «третьего» элемента.

Так, в «Слове о челяди» зачин текста *Чада моя милая* содержит притяжательное местоимение в И. п. мн. ч. и триаду глагольных форм (императивов), соединённых бессоюзной связью: *Еще вы глаголю челядь свою кормите якоже до сыти имъ одъѣваете обуваѣете* (в состав первого элемента входит притяжательное местоимение в В. п. ед. ч. – *свою*).

Между этим и следующим текстовыми фрагментами создаётся отношение «тезис – обоснование», то есть топос. Вторая его часть – обоснование – также представлена структурно как триада глагольных финитных форм с союзной связью в составе «придаточной» части (дважды 2 л. мн. числа + 3 л. мн. числа): *Аще ли не кормите ни обуваѣете а холопа твоего убьютъ оу татбы или робу*. И здесь тоже – в составе третьего элемента триады – употреблено притяжательное местоимение в В. п. ед. числа – *твоего*.

Таким образом, «внешнее» организационное последование от зачина к первому топосу основной части текста формируется за счёт варьирования форм притяжательных местоимений: *моя – свою – твоего* (PL + Sg + Sg), или (3=1+2). Внутренняя организация этих блоков текста представляет собой триады глагольных форм императива (2 Sg – 2 Sg – 2 Sg) и презенса (2 Pl – 2 Pl – 3 Sg), или (3=1+2) и (3=2+1). Оппозиция форм императива (первая противопоставлена двум следующим) создаётся синтаксически – за счёт дополнительного распространителя *якоже до сыти имь*, тогда как общий распространитель – прямое дополнение *челядь свою* – объединяет эти грамматические формы на синтаксическом уровне. Во второй триаде форма 3 л. мн. числа объединяется с двумя предшествующими за счёт союзной связи (*аще... а*) и включается в схему «внешнего» организационного последования при помощи притяжательного местоимения. Дополнительная когезийная схема представлена в пределах этой пары блоков текста на уровне распространителей (прямых дополнений *челядь... холопа... или робу...*), где лексема *челядь* выступает как обобщающая к двум следующим (вновь перед нами формула 1+2, создаваемая лексическими и синтаксическими средствами).

Обоснование тезиса синтаксически представляет собой гипотактическую конструкцию с придаточным условным и предполагает дальнейшее развитие когезийных цепочек. Так, отношение главной и придаточной частей оформляется союзной связью (*аще... то...*), к которой затем присоединяется следующий контекст посредством союзного слова *тѣмже*, и, соответственно, возникает троичная последовательность союзных средств (*аще – то – тѣмже*) и троичная последовательность омофоничных корневых единиц (*твоего – (то – тобѣ) – тѣм*), где формы *то* и *тобѣ* находятся в составе второго синтаксического элемента. Таким способом от топоса «тезис – обоснование» повествователь переходит к топосу «условие – событие». Схема присоединения элементов триады та же, что в предыдущих случаях. Применительно к триаде союзных средств последование (3=2+1) обеспечивается противопоставлением двойного условного союза *аще...то* одиночному союзному слову *тѣмже*. Единство этих форм создаётся синтаксической функцией и корневым повтором этимологически родственных единиц *то* и *тѣм*. В случае с триадой омофоничных местоименных единиц (притяжательное – указательное+личное – указательное) схема «два плюс один» отражается в двойном употреблении омофоничных корней во втором употреблении: (3=1+1*+1=2+1*), где астериск показывает противопоставленный однокорневым третий компонент структуры.

Все фрагменты от зачина до рассматриваемого топоса связаны между собой. Это «внешнее» последование форм мы видим в динамике глагольных единиц: от зачина *глаголю* (1 л. ед. ч., указание на действующее лицо, абсолютный личный показатель) – к составу подчинённого смыслового компонента *кормите, одевайте, обувайте, кормите, обуваете, убьют* (2 л. и 3 л. мн. числа), в направлении к неопределённо-личному предложению, к обобщению и «размыванию» личного показателя и к составу главного смыслового компонента последнего обсуждаемого топоса (главной части сложноподчинённого предложения): *отвѣтити* (инфинитив – полная нейтрализация личного показателя).

Далее следует топос «тезис – объяснение». С предыдущими фрагментами текста он связан посредством сужения круга императивных и презентных форм глагола. Это триада «внешнего» последования с сокращением числа единиц (от первого элемента к последнему) от трёх форм *кормите, одевайте, обувайте* к двум *не кормите, ни обуваете* и к двум *набдите... и учите*. Единство триады оформлено грамматически – 2 л. мн. числа. Кроме того, присутствие в первом и третьем элементах форм императива «закольцовывает» композицию этой части текста, дополнительно объединяя его блоки. Схема ($3 = 2 + 1$) выдерживается и здесь. Так, второй элемент противопоставлен крайним как презенс – императиву. С другой стороны, третий элемент противопоставлен предыдущим лексически – как обобщающее отвлечённое представление перечислениям конкретных действий.

В этом плане интересен сам по себе приставочный дериват от стальной основы *набдите*: по мнению Л.В. Табаченко, подобные производные в старославянском языке использовались для усиления сакрализации контекста, развивая переносные, непространственные значения (см. [1, с. 41]). Так и в нашем случае речь может идти как минимум об усилении отвлечённости акционного представления. Известную самостоятельность в составе третьего элемента данной триады эта форма получает за счёт того, что имеет именную распространитель: *тѣмже набдите сироты своя во всѣмъ*, тогда как связанная сочинительной связью вторая форма элемента получает распространитель в виде указательного местоимения: *и учите я*. Можно предположить, что прямое дополнение *сироты* таким образом «включается» в описанную выше триаду *челядь... холопа... или робу... + сироты своя*.

Означает ли это, что прежде описанное отношение выделено нами неверно? Полагаем, что нет. Как было указано в начале данной работы, любая триада в пределах текста способна расширяться, переходя из средства когезии внутри текстового блока в средство когезии текста в целом. Принцип «полигональной кладки» проявляется здесь уже не только как онтологическая данность, но и как гносеологический приём интерпретации структуры текста. Принципиально важным параметром создания текстовых блоков и межблочных связей остаётся следование схеме ($2 + 1$). В случае с обсуждаемыми прямыми дополнениями этот принцип также выдержан – на лексическом уровне. Первый и последний элементы представляют собой обобщающие слова (собирательное *челядь* и форма мн. числа *сироты*), между которыми средним элементом выступают конкретные номинации в форме ед. числа *холопа или робу*. Единство триады обеспечивает синтаксическая функция прямого дополнения в винительном падеже и единство лексико-семантической группы наименований лица по отношению к другому лицу.

Следующая «внутренняя триада», предворяющая топос «апелляция к авторитетному источнику», – это ещё три формы дополнения в винительном падеже с предлогом при последнем сказуемом: *учите я на крещение и на покаяние и на весь законъ Божий*. Единство триады обеспечивается созданием представления о бинарной структуре входящих в неё элементов (в первых двух производных именах отвлечённой семантики повторяется суффикс *-ени-*, в третьем случае структурная бинарность элемента представлена как сочетание –

закон Божий) и стереотипностью предложных конструкций с предлогом *на*. Использование формулы *закон Божий* вызвано, во-первых, логической необходимостью перехода к топосу «ссылка на авторитет», а во-вторых, соответствием структурной схеме (2 + 1). Интересным промежуточным выводом из этих наблюдений может быть предположение о восприятии проповедником (и, возможно, его паствой) структурных элементов слова – словообразовательных морфем – и структурных элементов словосочетания – лексем в синтагматической связанности – как однотипных единиц с точки зрения организации текста.

На этом фрагменте заканчивается тематическая установка текста, далее следуют топосы «сравнение», «причина – следствие», «ссылка на авторитетный источник», отсылающие слушателя/читателя к ветхозаветным и новозаветным коррелятам в рамках заявленной темы слова-поучения.

Завершающий триаду косвенных дополнений элемент *на весь законъ Божий* является одновременно свёрнутым тезисом, на который опирается следующая триада именных форм: *апостоль – пред Богомь – Аврамъ*. Первый и последний элементы данной триады выступают в составе топоса «апелляция к авторитетному источнику». В первом случае средством введения топоса в текст является сравнительная конструкция (*ты бо еси яко апостоль дому своему кажи грозою и ласкою*), а во втором – присоединительная конструкция (*и Аврамъ бо научи своих домачадець*). В обоих случаях наблюдаем употребление подчинительного синкретичного союза *бо*. Средний элемент этой триады также включает в себя подчинительный союз – это двойной союз *аще... то (аще не учишь то ответь въздаси за то предъ Богомь)*. Таким образом, формируется троичная схема использования союзных средств: *бо... яко – аще... то – и... бо*.

В первом и втором элементах триады «главной» глагольной формой – основным предикатом – выступает форма 2 л. ед. числа настоящего времени атематического глагола: *еси – въздаси*, во втором элементе форма 2 л. ед. числа повелительного наклонения *кажи*. Таким образом, на уровне глагольной парадигматики единство триады оформляется троичным употреблением формы 2 л. Sg, а схема (3 = 2 + 1) выдерживается за счёт противопоставления двух форм презенса форме императива. Связь с предшествующими текстовыми блоками обеспечивается введением во фрагмент формы императива *кажи* в первом элементе триады, а также корневым повтором *учите – не учишь – научи* (форма императива относится к предшествующей триаде, форма настоящего времени в составе подчинительной условной конструкции входит во второй элемент обсуждаемой триады, форма сигматического аориста – в третий её элемент). Приведённая аористная форма – единственная в тексте форма прошедшего времени, появление её обусловлено обращением к ветхозаветному материалу в составе топоса. Повтор корня призван «поддержать» её в тексте, строящемся на формах настоящего времени и императива.

В составе описываемой триады встречаем парные именные сочетания: *кажи грозою и ласкою – научи всему добру закону и добру норову*. Удвоение именных распространителей указывает на высокую степень сакрализации контекста в данном текстовом блоке, что согласуется с идеей введения в текст топоса «апелляция к авторитетному источнику» – отсылки к новозаветному (*закон Божий – яко апостоль – пред Богомь*) и ветхозаветному (*закон Божий – пред Богомь –*

Аврамь) источникам. Структурно данные сочетания с парными косвенными дополнениями продолжают и уточняют формулу с трёхэлементным косвенным дополнением *учите на крещение и на покаяние и на весь закон Божий*, описанную выше. Структурное отношение формул связывает между собой основные триады текста, выступая средством когезии между текстовыми блоками. Так, два элемента в последовательности объединены не только наличием нескольких косвенных дополнений, но и формой императива в качестве главного слова формулы: *учите – кажи*. Первый и третий элементы последовательности объединены корневым повтором глагольной формы – главного слова формулы: *учите – научи*. Второй и третий элементы также связаны между собой корневым повтором (*не учишь – научи*), в составе второго элемента имеется зависимая синтаксическая конструкция *аще не учишь то...*

Границы топоса обозначены рамочной структурной композицией, создаваемой лексическим повтором существительного *закон – закону*, определительного местоимения *весь – всему*, притяжательного прилагательного *Божий – Божий* и троичными формулами: *на крещение и на покаяние и на весь закон Божий – всему добру закону и добру норову страх бо Божий*. Отметим, что синтаксически сочетание *страх бо Божий* является началом нового предложения и нового текстового блока. Оно не входит в состав троичного единства косвенных дополнений с союзной связью, как это происходит в начальной структуре рамочной композиции, не связано с ним формально. Включение его в состав формулы оказывается возможным лишь за счёт лексического повтора и структурного сходства составляющих «рамку» элементов. Так, в первом случае, как указано выше, структурная бинарность всех трёх элементов отражается в словообразовательной производности двух первых и синтаксическом подчинительном характере сочетания *закон Божий* – в третьем. Здесь, во втором случае, подчинительное сочетание *страх Божий* структурно уподобляется также бинарным единицам – сочетаниям с согласованным определением, выраженным краткой формой прилагательного *добрый*. Таким образом, при очевидном сходстве первого и второго элементов рамочной композиции одна из составляющих последнего элемента (условно «конечный» элемент рамочной композиции предшествующего структурно-синтаксического целого) включается в последующую синтаксическую целостность. Это ещё один пример «полигональной кладки» текстовых блоков в произведении риторического жанра церковной книжности.

Формула *страх бо Божий примие не опечалять на старость тебе* начинает следующий блок текста. Можно предположить, что с точки зрения глагольной парадигматики основой троичных единств когезии данного блока будут выступать формы настоящего времени. Первую триаду таких форм (*опечалять – послушают – глаголеть*) наблюдаем в последовательности формул *не опечалять на старость тебе – аще ли тебе не послушают ни мало то лозы на нь не щади – якоже премудрость Божия глаголеть до 4 или 7 рань или за 12 рань*. Вторая триада форм настоящего времени завершает текст, включая в себя главное слово традиционной финали: *да аще тако кажете я и добръ ѡд ѡваеши и кормиши то блажь дарь приимеши от Бога*. Структурных схем ($3 = 2 + 1$) здесь можно выделить две:

а) 2 л. Pl + 2 л. Sg (парное сочетание) + 2 л. Sg, то есть 1 форма мн. числа + 2 группы форм ед. числа;

б) *да аще...* 2 л. Sg + 2 л. Sg + *то...* 2 л. Sg, то есть троичное единство форм 2 л. презенса, две из которых противопоставлены третьей в составе подчинительной синтаксической конструкции с союзом *аще... то*.

Таким образом, заявленный в начале данной работы принцип организации текстового пространства сохраняется, преобладающая схема формирования когезийных цепочек ($3=2+1$) – тоже. Анализ структурных единиц в тексте слова-поучения «Слово о челяди» позволяет сделать следующие выводы.

Основным «строительным материалом» текста древнерусской учительной прозы риторического жанра слова-поучения выступает триада языковых единиц того или иного уровня. При этом, поскольку текст смешивает языковые уровни, разноуровневые с современной точки зрения единицы, включённые в состав одной триады, «сближаются», а их структурные элементы начинают восприниматься как подъединицы одного порядка. Так, в пределах одной триады могут быть представлены производное суффиксальное имя и словосочетание как бинарные единства. Подобные взаимодействия заставляют предположить, что в древнерусском языке рассматриваемого периода (а в частности – в языке текстов церковной учительной риторической прозы) изоморфизм лексической и грамматической систем языка охватывал не только их деривационные подсистемы – словообразование и формообразование, как в современном языке. Более широкие, по сравнению с современным языком, «пределы» изоморфизма либо отсутствие этих «пределов» позволяют по-новому взглянуть на явление средневекового синкретизма и уточнить содержание термина «синкретизм».

Схема организации триады (выбор трёх в качестве предельного числа элементов, возможно, предопределён сакральными представлениями) являет собой обычно не соположение трёх равных элементов, а противопоставление двух третьему ($2+1$) по какому-либо материально выраженному языковому параметру. Вопрос, почему триада всегда строится как $2+1$, может быть решён с точки зрения потребностей текстовой организации произведения в целом: так проще распространять когезийные цепи на дальнейшее пространство текста, поскольку возникает больше «свободных элементов» и архитектурное пространство текста образует «полигональную кладку», характерную для наиболее известных мегалитических построек древности.

В числе текстообразующих единиц помимо троичных единств можно отметить также бинарные (парные сочетания с союзной связью, взаимодействие формы аориста и действительного причастия прошедшего времени как единственных в тексте форм, грамматически соотносимых с прошлым) и многочленные. Наличие таких структурных компонентов не отменяет основного вывода, сделанного выше, и может «пролить свет» на процесс и механизмы формирования стиля «плетения словес» на основе предшествующей ему риторической традиции в пределах жанра слова-поучения.

Исследование выполнено при поддержке Минобрнауки (проект 6.8576.2013 «Славяно-русское письменное наследие: полиструктуральная диахрония и электронные технологии»).

Summary

D.R. Kopusov. Polystructural Means of Text Organization in "The Sermon on Servants".

The article shows the isomorphism of the subsystems of the Old Russian language in relation to the organization of a rhetorical text. The structure of the text is determined to be dependent on the genre. The basic means of cohesion in the Old Russian didactic prose are described using the example of an individual text. Based on the variation of derivational units, the principle of creation of cohesion is formulated.

Keywords: text block, text formula, text structure, cohesion, intratextual dynamics of language units.

Источник

СЧ – Слово о челяди // Златая цепь (по Троицкому списку): Тексты, исследования, комментарии. – М.: Правосл. Свято-Тихоновский богосл. ин-т, 2003. – С. 24–25.

Литература

1. *Клименко Л.П.* Нормативный аспект семантико-синтаксической организации дискурса сакральных текстов // IV Поливановские чтения: Сб. науч. ст. по материалам докл. и сообщ. (Смоленск, 19–20 мая 1998 г.). – Смоленск: Смол. гос. пед. ун-т, 1998. – Ч. 4: Слово в тексте. – С. 41–46.
2. *Колесов В.В.* Древнерусский литературный язык. – Л.: ЛГУ, 1989. – 296 с.
3. *Копосов Д.Р.* Особенности строения текста Слова-поучения как риторического жанра (диспозиция) // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. Языкознание. – 2012. – С. 17–22.
4. *Табаченко Л.В.* Непродуктивные глагольные словообразовательные типы в старославянском языке // Языковая система и речевая деятельность: лингвокультурологический и прагматический аспекты. – Ростов н/Д: Логос, 2007. – Вып. 1: Материалы междунар. науч. конф. – С. 39–41.

Поступила в редакцию
14.05.13

Копосов Даниил Робертович – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русского языка и славянского языкознания, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: dandocs@mail.ru